

Владимир Михайлович Шулятиков

**Певец «лилейной
надежды»**

Владимир Михайлович Шулятиков

Певец «лилейной надежды»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=663125*

Аннотация

К пятидесятилетней годовщине смерти В.А. Жуковского.

«Поэт – избранник Судьбы, поэт – жрец, поэт – аристократ духа, презирающий «толпу», поэзия – одухотворение от «житейских бурь», поэзия – противовес «материальным «началам» и интересам жизни, поэзия – средство удалиться от «презренной толпы», поэзия – игра свободной фантазии – вот его идеалы, идеалы, которым он служил в течение всей своей литературной деятельности, как верный паладин, и которые принято называть «романтическими»...»

Содержание

Владимир Шулятиков

Певец «лелейной надежды»

(к пятидесятилетней годовщине смерти В.А. Жуковского – 12 апреля 1852 г. – 12 апреля 1902 г.).

«Уже нет той поэзии, которая некогда была возвеличением, убранством и утехой жизни, которая, с одной стороны, стремилась к высокому, идеальному и благородствованию, украшая ее строгую, часто печальную существенность лелейным венком надежды, а с другой – беззаботно играла с жизнью, забавляя ее, как младенца, фантастическими созданиями, светлыми надеждами... Такое беззаботное наслаждение поэзией теперь называется ребячеством. Теперь поэзия служит мелкому эгоизму; она покинула свой идеальный мир и, вмешавшись в толпу, потворствует ее страстям и, променяв таинственное святилище своего драмы (к которому доступ бывал отворен только одним посвященным) на широкую торговую площадь, поет песни толпящимся на ней»...

В таких выражениях автор «Светланы» и «Ундины», на закате своих дней, очутившись перед лицом чуждой и непонятной ему «новой», ширококонсущейся жизни и оплакивая предания гибнущей старины, высказывал определенно свое литературное «credo», выяснял свои взгляды на призвание

поэта и значение поэзии.

Поэт – избранник Судьбы, поэт – жрец, поэт – аристократ, духа, презирающий «толпу», поэзия – одухотворение от «житейских бурь», поэзия – противовес «материальным «началам» и интересам жизни, поэзия – сродство удалиться от «презренной толпы», поэзия – игра свободной фантазии – вот его идеалы, идеалы, которым он служил в течение всей своей литературной деятельности, как верный паладин, и которые принято называть «романтическими».

Но правильно ли последнее определение? был ли Жуковский романтиком? соответствуют ли его взгляды мировоззрению истинный представителей романтической культуры?¹

Действительно, многое из его взглядов взято им из сокровищницы романтической культуры. Под сильнейшим влиянием немецких и английских романтиков он все время находился, на их произведениях он постепенно воспитывал свой литературный вкус, некоторые основные посылки их мировоззрения он усваивал (чему доказательством является выше перечисленные догматы его поэтического (credo). Но вместе с тем считать Жуковского типическим романтиком, во всяком случае, нельзя.

---

¹ Этот вопрос в последнее время был поставлен на очередь акад. А. Веселовским. К сожалению, с докладом А. Веселовского, прочитанным в петербургском неофиологическом обществе, мы не имели случая ознакомиться. Из газетных отчетов мы лишь узнали, что А. Веселовский категорически отказывается признать Жуковского романтиком.

Рядом с писателем, романтически настроенным, в нем жил последователь «сентиментализма», рядом с художником-жрецом «свободного искусства – моралист, рядом с идеалистом – «аристократом духа» – носитель мещанских настроений. И все, усвоенное им от романтизма, он преломлял сквозь призму сентиментально-этического мировоззрения; в каждый догмат романтического «credo» вносил существенные поправки.

Он проповедовал о свободном полете фантазии, о свободе творческого воображения. Но это не была проповедь той абсолютной свободы фантазии и творчества, которую узаконили истинные романтики. Идеал Жуковского «живое», но не «пылкое» воображение.

Одно – товарищ заблужденья,
Другое – гений наших дней.

говорил он. Если же он платил дань романтически «пылкому» воображению, если иногда он увлекался самым капризным и смелым полетом фантазии в область романтического вымысла – это бывало лишь тогда, когда он находился под сильнейшим впечатлением чьего-нибудь произведения, когда он подражал какому-нибудь западному образцу (напр., когда он писал свою «Светлану»). Всякие романтические «ужасы», всякая романтическая «чертовщина», всякие ультра-романтические «чудеса», ультра-романтический

вымысел не характерны для него, как для оригинального поэта: в подавляющем большинстве своих оригинальных произведений он чужд всего этого. В его оригинальных произведениях полет фантазии – синоним меланхолической мечтательности.

Даже самый термин романтиков «свобода творчества» он склонен истолковывать весьма своеобразно. Он заявляет (в статье «Слова поэта – дела поэта»), что поэт совершенно ничем не может быть стеснен в выборе темы, что «поэзия живет свободой», и тотчас спешит доказать, что «свобода» в данном случае означает «свободу от всякой тенденции»: «всякое намерение произвести то или другое определенное, но стороннее действие, нравственное, поучительное или (как нынче мода) политическое, дает движениям фантазии какую-то неповоротливость»²; и он требует, чтобы фантазия была подобна легкокрылой ласточке, беззаботно летающей по поднебесью. «Беззаботной» свободы творчества, как известно, романтики никогда не провозглашали своим идеалом.

Жуковский исповедует романтический культ одиноких героев, говорит об удалении от толпы и «суетного света». Но он «удаляется» от «суетного света» не так, как это делают настоящие романтики. Он рисует себе «суетной свет» далеко не в тех ярко отрицательных красках, в каких рису-

---

² В настоящем случае мы имеем дело, конечно, даже не с преломлением романтики сквозь призму сентиментализма или «моральных» чувств.

ют этот свет настоящие романтики. Он «удаляется» не потому, что чувствует себя глубоко оскорбленным несправедливостью «света» и общественных отношений, не потому, что глубоко разочаровался в людях, не потому, что считает людское общество не способным ни на малейшее развитие, не потому, что произнес смертный приговор над «цивилизацией». Его «удаление» не является, далее, результатом неравноправной «борьбы» с обществом – результатом отчаяния. Удаляясь, он не кидает в лицо «обществу» гордого вызова и пророческого обличительного слова, не уносит в своей душе чувства непримиримой вражды. И в «пустыне», куда он удаляется, его не ожидают «титанические муки».

Нет, Жуковский совершенно чужд романтического протеста против «общества». Он уходит от общества, потому что желает оградить свой душевный мир от разных суетных чувств, слишком «непрочных, слишком непродолжительных», потому что уединение «отвечает его мечтательной натуре, потому что в «уединении» и «мысли» сохраняют свободу, а чувства первоначальную живость и свежесть». Далее, он уходит от «общества» потому, что ищет отдохновения для себя, испытавши ряд мелких превратностей судьбы, переживши ряд «сердечных» неудач и «сердечных» утрат. Романтического пессимизма, обусловленного потерей веры в человеческую природу и природу человеческого общества, он не знает.

Истинная «пустыня», истинное убежище, в котором бы он

мог спастись от «суетного света» ему представляется в виде «тихого, уединенного, семейного круга». Идиллия семейной кельи – идиллия, которую рисовали себе авторы «мещанских» сентиментальных драм и романов, – высший предел его мечтаний. Картины этой идиллии постоянно носятся перед его глазами, носятся даже тогда, когда он увлекается романтическим культом любви.

Признавши, вместе с истинными романтиками, за чувством любви самые широкие права литературного гражданства, воспевши в своих произведениях такой торжественный гимн любви, какого до него не знала русская литература, он не осветил некоторых сторон романтического культа любви. Таким сильным, свободным, страстным чувством, о котором говорили произведения Байрона или Виктора Гюго, но согреты его произведения. Изображения рыцарского благородства любви – вот, что усвоил он, главным образом, от романтиков³. Излюбленный им образ женщины – это образ женщины, прекрасной в своей простоте, женщины, сентиментально настроенной, рожденной для того, чтобы проводить жизнь мирную, «как сладкий, легкий сон», неизменной идущей по стопе строгой добродетели, не способной на бурные увлечения, женщины, не видящей цели жизни дальше назначения быть хозяйкой «тихого уединенного семейственного круга».

---

³ Подчеркиваем, что как в данном месте, так и во всем нашем фельетоне мы характеризуем Жуковского лишь как оригинального поэта, останавливаемся на его оригинальных произведениях.

Последнее обстоятельство особенно дорого для Жуковского. Он постоянно упоминает о нем в своих любовных элегиях и посланиях.

Далекий от каких бы то ни было бурных и «мятежных» аффектов, Жуковский живет в области тихих, уравновешенный чувств и настроений.

Его разочарованность выливается в мечтательную меланхолию. И его меланхолия такова, что он не тяготится ею. Его меланхолия не та меланхолия, которую один классический английский поэт назвал дочерью адского пса Цербера и темной ночи, – не та, которая одушевляет романтиков и граничит с отчаянием. Напротив, свою меланхолию Жуковский считает легкой, находит в ней своеобразную прелесть. Его меланхолия не чужда даже некоторым элементам «радости».

«Меланхолия, – говорит он, – не есть ни горесть, ни радость: я назвал бы ее оттенком веселия на сердце печального, оттенком уныния на душе счастливого».⁴

Уметь реагировать на все «житейские бури» подобным чувством – есть, по его мнению, верх мудрости. Мечтательная меланхолия позволяет ему держаться золотой середины между пессимизмом и оптимизмом. В жизни – не слишком много радостей, но не должно быть слишком много горя – таковы основные выводы, к которым его привел опыт его жизни.

В одном из его, прозаических очерков находится следую-

---

⁴ Соч. стр. 827.

щая сцена.

Героиня очерков Минвана, гуляя по лугу, встречает трех сестер, которых зовут, Вчера, Ныне, Завтра.

Старшая сестра, Вчера, устремив на Минвану задумчиво-меланхолический взгляд, обращается к ней с назидательной речью. Она советует Минване беззаботно наслаждаться теми грозами, которые дарит настоящее. Но она предупреждает, что «Ныне» очень изменчива и легкомысленна, что нет роз без шипов и что вскоре Минване придется познакомиться с «Завтра» для исцеления своей омраченной души. «Тогда, мой друг, веселая Завтра да будет твоим прибежищем. Смотри, она указывает тебе на отдаленный запад: там сияет величественное солнце, там ясней закат напоминает об ясном утре».

Но и веселая Завтра непостоянна. Иногда тяжелое горе затмевает горизонты будущего. Тогда на помощь Минване должна явиться она сама, меланхолическая «Вчера».

«В минуты испытания, минуты одиночества я буду с тобой... Я твоя. Прошедшее с тобой неразлучно. Близ урны моей оживет для тебя утраченное в настоящем и заменятся веселые призраки будущего; близ урны моей, под сумраком кипариса обитает воспоминание, которое говорит о том, что было и чего уж нет; задумчивая меланхолия, которая наслаждается скорбью, любит одно минувшее, носится мыслию под гробами, и в сетовании о мертвых находит сладость. Близ урны моей ты будешь наслаждаться сама собой,

и нечувствительно с лица настоящего спадет покров печали; прискорбная Ныне опять улыбнется и ветреная Завтра опять прилетит к тебе с моими мечтами».

В речи меланхолической «Вчера» – альфа и омега фило-софского мирозерцания Жуковского.

Исцеление от всех горестей и жизненных невзгод через «воспоминание» – вот главный мотив, дающий ключ к пониманию психологии лирики Жуковского.

«Для сердца прошедшее вечно» – восклицает он. Прошедшее – единственное постоянное сокровище; «существует только то, чего уже нет». «Одно прошедшее не подвержено изменямости». Воспоминания о светлых мгновениях, пережитых в этом прошедшем, вот источник веры в жизнь для Жуковского. «Переходя, – говорит он, – от одной озаренной ярким воспоминанием минуты к другой такой же, нечувствительно дойдешь до предела, за которым верное, неизменное будущее».

Мечты о таинственной «неведомой» стране, стремление к стране, «очарованного там», живут силой воспоминаний. Потому то герой едва ли не самого характерного из стихотворений Жуковского, «Теон и Эсхил», перед гробом своей давно умершей возлюбленной произносит проникнутые чувством меланхолической надежды слова.

О нет, никогда не погибнет их (*прежних дней*) след;
Для сердца прошедшее вечно...

И скорбь о прошедшем не есть ли, Эсхил,
Обет неизменной надежды,
Что где-то в знакомой, но тайной стране
Прошедшее нам возвратится...
А этот безмолвный, таинственный гроб...
О друг мой, он верный свидетель,
Что лучшее в жизни еще впереди,
Что верно желанное будет...

Воспоминания о прошлом, надейся на будущее – вот смысл этих слов и вместе с тем конечный итог жизненной мудрости Жуковского...

Если романтики не знали пути, который бы привел их и светлomu будущему, если они при всех своих бурных порывах кончали гордым удалением от «суетного мира» и вспышками бессильного гнева против «общества», то все же они стремились к чему-то, сильно хотели чего-то, иногда склонны были вмешаться в «самую гущу жизни». Наполовину романтик, наполовину последователь сентиментализма, Жуковский стоял на почве квинтэстического мирозерцания.

Но при всем том, его заслуги в ходе развития русской литературы неизмеримы. Жуковский – бесспорно первый по времени русский истинный поэт. В деле выработки поэтического языка русская литература ему обязана, не меньше, чем его ученику Пушкину.

Для ценителей поэзии до сих пор плоды его творчества служат и долго будут источником истинного наслаждения.

«Курьер», 1902 г., № 101